

встанут на защиту свободы. Знамение свыше – и знамение благоприятное – усматривали они и в самом месте заседания. Это был портик, один из тех, что окружают театр, а под кровлею портика находилась зала с сидениями и статуей Помпея, воздвигнутой государством в память о том, что никто иной, как Помпей, украсил театром и портиками эту часть города [...] казалось, что Цезаря ведет туда некое божество, чтобы воздать ему за смерть Помпея»⁹⁹⁸.

Тогда было предложено заодно с Цезарем убить и сильнейшего из его друзей и наиболее популярного человека в войсках Марка Антония, который, видимо, метит на место диктатора. Против этого решительно восстал Марк Брут, «потребовав, чтобы дело, на которое они отваживаются во имя права и законов, было безукоризненно чисто от какой бы то ни было несправедливости»⁹⁹⁹ – «убивая Цезаря, они получают славу тираноубийц, так как убивают царя, за убийство же друзей Цезаря их сочтут просто врагами их, как сторонников Помпея» – заявил он¹⁰⁰⁰. Вместе с тем, учитывая незаурядную телесную силу Марка Антония, его статус консула, было решено выбрать людей, которые перед самым покушением, когда Цезарь уже войдет в курию, должны были важным разговором задержать Антония у входа¹⁰⁰¹.

14 марта Цезарь взял с собой Децима Брута Альбина и отправился на пир к начальнику своей конницы Марку Лепиду. Пока все предавались распитию вина и беседам, Цезарь, как обычно, лежа за столом, подписывал какие-то письма. Разговор, между тем, зашел о том, какой род смерти самый лучший. Говорили разное, как вдруг всех прервал голос Цезаря: «Неожиданный!»¹⁰⁰² ...

Домой Цезарь вернулся поздно ночью и лег на ложе рядом со своей женой. В его теле была сильная вялость. Посреди ночи, яркий свет луны проникал через распахнутые двери и окна в спальню, он проснулся на рыдания Кальпурнии, которая видела во сне, что она держит в объятиях убитого мужа¹⁰⁰³ ...

На рубежах Милосердия

В тот день – 15 марта 44 г. – с самого утра улицы Рима были многолюдными. У города находился легион, которому, как было заявлено, предстояло отправляться на войну с Парфией. В самом Риме пребывало большое число ветеранов: одни были недавно уволены со службы и ждали

⁹⁹⁸ Plut. Brut. 14. «Что касается места, то они выбрали сенат для того, чтобы сенаторы, хотя заранее о том и не знали, увидев дело, присоединились, подобно тому, как это, по преданию, было с Ромулом, когда он из царя превратился в тирана. Они полагали, что их дело, как и дело с Ромулом, совершенное к тому же в сенате, будет принято не как злодеяние, но как подвиг за отечество, предпринятый для общего блага, гарантирует их безопасность со стороны войска Цезаря, и честь останется за ними, так как всем будет известно, что они были зачинателями всего дела» (App. II. 114).

⁹⁹⁹ Plut. Ant. 13.

¹⁰⁰⁰ App. II. 114.

¹⁰⁰¹ Plut. Ant. 13.

¹⁰⁰² App. II. 115; Plut. Caes. 63; Suet. Caes. 86.

¹⁰⁰³ App. II. 115; Plut. Caes. 63; Suet. Caes. 81.

распределения новых земельных наделов, другие – уже получившие наделы, прибыли в город для проводов отъезжающего в поход Цезаря¹⁰⁰⁴. В театре Помпея были запланированы зрелища с участием гладиаторов и сенат должен был заседать в примыкавшей к театру курии¹⁰⁰⁵. Ожидалось, что заседание будет торжественным и коротким, после чего все отправятся смотреть зрелища. Проявляя завидное хладнокровие и самообладание, занятые в магистратурах участники заговора в обычном порядке занимались отправлением своих должностных полномочий¹⁰⁰⁶. Когда один из осужденных в то утро стал яростно протестовать против обвинительного приговора и с возмущенными криками взывать к Цезарю, Марк Брут, вынесший в качестве претора этот вердикт, обведя присутствовавших зловещим взглядом, произнес: «Цезарь и не препятствует и никогда не воспрепятствует мне действовать в согласии с законами»¹⁰⁰⁷. Большинство других заговорщиков рано утром встретились у Кассия Лонгина, достигший совершеннолетия сын которого должен был в этот день впервые облачиться в мужскую тогу¹⁰⁰⁸. По завершении этого обряда они все вместе направились в портик Помпея, куда к назначенному времени группами или поодиночке стали прибывать сенаторы.

Войдя в здание курии, заговорщики, демонстрируя желание обратиться к диктатору с каким-то важным делом, сразу же собрались у установленного рядом со статуей Помпея кресла, на котором должен был восседать Цезарь. Кассий поднял взор на лик Помпея и «призвал его на помощь, словно тот и впрямь мог услышать его зов»¹⁰⁰⁹. ... Время шло, Цезарь, однако, не появлялся. Распространились слухи, что он плохо себя чувствует, что, ссылаясь на сон, жена отговаривает его покидать дом, что совершенные в доме Цезаря жертвоприношения неблагоприятны¹⁰¹⁰. Из-за незапланированной задержки нервы заговорщиков начали накаляться до предела. Когда кто-то, взяв Сервилия Каску за руку, двусмысленно заявил: «Ты, Каска, скрыл от нас свою тайну, а Брут все мне рассказал», то до того поразил заговорщика, что тот собрался было во всем признаться, и лишь следующие слова заставили его прийти в себя: «С чего же это ты, мой любезнейший [Каска], так быстро разбогател, что нынче собираешься искать должности эдила?»¹⁰¹¹. Поприветствовав живее обычного Брута и Кассия, сенатор Попий Ленат полушепотом сказал им: «Всей душой желаю вам счастливо исполнить то, что задумали, но советую не медлить: про вас уже заговорили»¹⁰¹². Становилось ясно, что заговор переставал быть тайным. Прибежавший из дома раб, с трудом переводя дыхание, сообщил Бруту, что состояние его

¹⁰⁰⁴ App. II. 119.

¹⁰⁰⁵ App. II. 115.

¹⁰⁰⁶ App. II. 115; Plut. Brut. 14.

¹⁰⁰⁷ Plut. Brut. 14.

¹⁰⁰⁸ Plut. Brut. 14.

¹⁰⁰⁹ Plut. Brut. 17.

¹⁰¹⁰ Plut. Brut. 15.

¹⁰¹¹ Plut. Brut. 15.

¹⁰¹² Plut. Brut. 15.

жены Порции резко ухудшилось, что она при смерти, но Брут, даже будучи встревоженным этим сообщением, не поддался чувствам и не покинул соратников¹⁰¹³.

С наступлением дня сильно напуганная ночным сновидением Кальпурния неустанно упрашивала Цезаря остаться в этот день дома, если возможно отложить заседание сената или хотя бы держаться подальше от здания сената¹⁰¹⁴. Стараясь успокоить ее, Цезарь, однако, сказал, что не желает, «чтобы подумали, будто он испугался женского сна»¹⁰¹⁵. Тогда Кальпурния попросила – «если же он совсем не обращает внимания на ее сны, то хотя бы посредством других предзнаменований и жертвоприношений пусть разузнает будущее»¹⁰¹⁶. По поручению Цезаря гадатели совершили многочисленные жертвоприношения, после чего объявили ему о неблагоприятных предзнаменованиях¹⁰¹⁷. Цезарь и сам, в последнее время не заботившийся о своем слабеющем здоровье¹⁰¹⁸, склонялся к тому, чтобы отложить заседание сената, так как чувствовал сильную вялость и головокружение¹⁰¹⁹ – должно быть, в последний раз его терзали тягостные сомнения, словно он вновь, как в январе 49 г., стоял перед Рубиконом, когда говорил: «Еще не поздно вернуться; но стоит перейти этот мостик, и все будет решать оружие»¹⁰²⁰. Однако теперь переход через Рубикон, который, образно, начинался за порогом его дома, значил, что сам он, даже если в чем-то ошибся, не предусмотрел, не смог правильно просчитать, веря в самоотверженную целеустремленность своих сторонников, надеясь, что в конечном итоге они справятся со стоящими перед ними трудными задачами, и ясно представляя те бедствия, которые произойдут в будущем, уже больше не сможет изменить ничего. Опасался он, очевидно, и того, что, не выдержав предстоящего напряжения и волнения, сам может сорвать исполнение намеченного. Видя его состояние, врач также настойчиво стал советовать Цезарю остаться дома¹⁰²¹. Кальпурния – предчувствия не обманывали ее – крепко обняв мужа, умоляла, говорила, что ни за что не позволит ему в тот день выйти из дома¹⁰²²... он уже поручил Марку Антонию отправиться в курию Помпея и распустить сенат¹⁰²³, как к нему обратился прибывший для выяснения причины задержки Децим Брут Альбин, который начал высмеивать гадателей, говоря, что Цезарь навлечет на себя обвинения и упреки в недоброжелательстве со стороны сенаторов, так как создается впечатление, что он издевается над сенатом: «Что ты говоришь, Цезарь! неужели ты, столь великий, уступив женским сновидениям и уговорам

¹⁰¹³ Plut. Brut. 15.

¹⁰¹⁴ Plut. Caes. 63; Suet. Caes. 81. 3; Val. Max. I. 7.2; Vell. II. 57. 2.

¹⁰¹⁵ Val. Max. I. 7.2.

¹⁰¹⁶ Plut. Caes. 63.

¹⁰¹⁷ App. II. 115; Plut. Caes. 63.

¹⁰¹⁸ Suet. Caes. 86. 1.

¹⁰¹⁹ Suet. Caes. 81. 4.

¹⁰²⁰ Suet. Caes. 31.

¹⁰²¹ Nic. Dam. Aug. 83.

¹⁰²² Nic. Dam. Aug. 83; Vell. II. 57. 2.

¹⁰²³ App. II. 115; Plut. Caes. 63.

ничтожных людей, не выйдешь из дома и этим оскорбишь тобою же созванный сенат, наградивший тебя столькими почестями? Конечно же, нет! Послушайся меня и, отбросив все толкования снов, иди со мною! Уже с утра собрался сенат и ожидает тебя!»¹⁰²⁴; «Действительно, продолжал он, сенат собрался по предложению Цезаря, и все готовы постановить, чтобы он был провозглашен царем внеиталийских провинций и носил царскую корону, находясь в других землях и морях; если же кто-нибудь объявит уже собравшимся сенаторам, чтобы они разошлись и собрались снова, когда Кальпурнии случится увидеть более благоприятные сны, – что станут тогда говорить недоброжелатели Цезаря? И если после этого кто-либо из друзей Цезаря станет утверждать, что такое положение вещей – не рабство, не тирания, кто пожелает прислушаться к их словам? А если Цезарь из-за дурных предзнаменований все же решил считать этот день неприсутственным, то лучше ему самому прийти и, обратившись с приветствием к сенату, отсрочить заседание»¹⁰²⁵. Слова Децима несколько успокоили Цезаря и он решился не откладывать более задуманное...

После того, как Цезарь отказался от телохранителей, обычно из дома в сенат его провожала большая толпа горожан и приезжих, множество рабов и вольноотпущенных, а также большинство должностных лиц¹⁰²⁶. В то утро перед домом Цезаря собралось, однако, еще больше, чем обычно, людей. Вначале 11-го часа в проеме отворившихся дверей дома показался Децим Брут, который за руку вывел Цезаря на улицу¹⁰²⁷. Оказавшись на свежем воздухе в окружении собравшихся, он ответил на традиционные приветствия и сообщил также, что чувствует себя лучше... пора было отправляться в готовности ожидавший его сенат.

Много раз он мысленно проделывал этот путь и знал, что ничего неожиданного для него не произойдет, отчего было трудно, но по-прежнему необходимо продолжать держать себя на людях в руках, стараясь выглядеть непринужденным. Поднявшееся уже высоко солнце своими лучами придавало налет праздничности охваченному – как всегда бывает накануне ожидаемой войны – патриотическими настроениями народу, заполнившему центральные улицы и площади Рима – все считали, что парфяне заслуживают **возмездия** за гибель Красса и его армии. То же обстоятельство, что предстоящий поход должен возглавить сам непобедимый Цезарь, вселяло в них уверенность в неизбежности скорого **возмездия** и воздания справедливости – с новой невидимой объединяющей силой торжество гордости римлян за отечество вот-вот, с принятием в сенате решений, должно было заняться. Зная, что вскоре после назначенного на этот день заседания сената, на котором должно состояться решение о войне с Парфией, Цезарю предстояло надолго покинуть Рим, многие римляне пытались воспользоваться возможностью обратиться к нему либо просто увидеть его.

¹⁰²⁴ Nic. Dam. Aug. 84.

¹⁰²⁵ Plut. Caes. 64.

¹⁰²⁶ App. II. 118.

¹⁰²⁷ Suet. Caes. 81. 4.

Приблизившись к носилкам Цезаря, которые в сопровождении друзей и сенаторов рабы неспешно несли в людском потоке¹⁰²⁸, некоторые граждане о чем-то говорили с ним, а тот, в свою очередь, благодарил их за теплые слова. Эти короткие обмены благожелательными фразами отвлекали от мыслей и придавали ему спокойную уверенность. Бледную серьезность на его лице объясняли утренним недомоганием и важностью предстоящего заседания. Некоторые, подходя, также вручали ему свитки с просьбами и пожеланиями. Заверяя, что обязательно ознакомится с ними, Цезарь принимал их и передавал своему доверенному рабу. Сквозь толпу к Цезарю пробрался Артемидор из Книда, его личный гость и знаток греческой литературы. В глазах его, однако, читалось волнение иного рода – сильного страха и стремления предотвратить ужасающую опасность. Он протянул Цезарю свиток, в котором были изложены достоверные и подробные сведения о подготовленном заговоре. Со скромным видом шедший вплотную рядом с носилками заговорщик, внимательно слушая, молча и понимающе пристально в упор не сводил глаз с квидского уроженца, отчего тот, борясь с собственным страхом, решился лишь прошептать волнительной скороговоркой: «Прочитай это, Цезарь, сам, не показывая другим, – и немедленно! Здесь написано об очень важном для тебя деле!»¹⁰²⁹ Цезарь, не дрогнув, пообещал сделать это, взял в левую руку и оставил у себя свиток Артемидора – он так и не прочтет, но уже и не выпустит этот свиток до конца¹⁰³⁰. Какой-то раб настойчиво пытался подойти и предупредить его о готовящемся покушении, но оттесненный напором окружавшей носилки толпы, вынужден был отправиться к дому Цезаря и попросить Кальпурнию позволить ему остаться в доме до возвращения ее мужа, которому он должен сообщить крайне важное известие¹⁰³¹.

В сенате объявили, что Цезарь уже близко. На подходе к курии, как только он сошел с носилок, к нему быстрым шагом приблизился сенатор Попий Ленат, который некоторое время до этого, напомним, желал Бруту с Кассием удачи и успеха, и начал оживленно вести с ним какую-то серьезную беседу. По мере того, как остановившийся Цезарь, слушая, с внимательным видом поддерживал разговор, заговорщики, переглядываясь между собой, все больше думали, что Ленат разоблачает их, и реализация их намерения будет сорвана. Кассий и некоторые его соратники уже нашупывали под одеждой рукояти кинжалов и вытягивали клинки из ножен, чтобы начать действовать, когда Брут, по выражению лица Лената поняв, что тот никого не обвиняет, а о чем-то горячо просит, не произнеся ни звука, взглядом остановил Кассия. Через некоторое время Ленат поцеловал руку Цезаря и отошел в сторону – он толковал с ним лишь о себе самом и о своих нуждах¹⁰³². У курии Цезарь заметил гаруспика Спуринну, ранее

¹⁰²⁸ App. II. 115, 116; Plut. Brut. 16.

¹⁰²⁹ Plut. Caes. 65.

¹⁰³⁰ Nic. Dam. Aug. 66; Plut. Caes. 65; Vell. II. 57. 2.

¹⁰³¹ App. II. 116; Plut. Caes. 63.

¹⁰³² App. II. 116; Plut. Brut. 16.

посоветовавшего ему остерегаться опасности, которая ждет его не позднее, чем в иды марта, и с шутливой интонацией обратился к нему: «А ведь мартовские иды наступили!», на что последовал спокойный ответ: «Да, наступили, но не прошли!»¹⁰³³.

Согласно обычаю, во время важных слушаний при входе в сенат консулы, прежде чем войти, совершали жертвоприношения. Когда у входа в курию был заколот бык, и было объявлено, что жертвенное животное оказалось без сердца, что означает – Смерть, Цезарь с усмешкой сказал, что нечто подобное с ним случилось во время недавней войны в Испании. Гаруспик ответил, что и тогда Цезарь был в большой опасности и что теперь примета еще более показательна для смерти. По его приказу все же было совершено новое жертвоприношение. Но и оно, как было объявлено, не дало благоприятной приметы¹⁰³⁴. Цезаря вновь принялись настойчиво уговаривать отложить заседание, и тот уже хотел дать соответствующее распоряжение, как вышедшие из курии служители, приглашая его войти, сообщили, что сенат полностью собрался. Повернувшись вполоборота, Цезарь окинул взором сопровождавших. «Иди, дорогой Цезарь, не придавай значения их пустой болтовне и не откладывай исполнения того, что подобает Цезарю и столь великому государству; считай достаточным предзнаменованием свою собственную доблесть!» – твердо и многозначительно обратился к нему Децим Брут Альбин, после чего взял его за правую руку и ввел в курию¹⁰³⁵. Заблаговременно стоявший у дверей, снаружи, Гай Требоний затеял с Марком Антонием продолжительный разговор и таким образом не позволил консулу проследовать за своим коллегой в сенат¹⁰³⁶.

Когда Цезарь молча вошел в зал заседания, весь сенат в знак уважения встал. Заговорщики разделились на две группы. Первая осталась позади кресла Цезаря, вторая во главе с Туллием Кимвром вышла ему навстречу и плотным кольцом провожала его до самого кресла¹⁰³⁷. По ходу Туллий Кимвр срывающимся от волнения голосом стал настойчиво просить его за своего брата-изгнанника. Цезарь, однако, отвечал спокойным отказом. К просьбе присоединились и сопровождавшие, которые стали ловить руки Цезаря, целовать ему грудь и голову, чтобы исподволь убедиться, что под его одеждой нет панциря и не спрятано оружие¹⁰³⁸. Сев в свое кресло, пришедший в раздражение Цезарь сделал жест Туллию подождать, однако тот обеими руками резко схватил его выше локтей за пурпурный плащ и начал стаскивать его с шеи – это было знаком к нападению¹⁰³⁹. «Что вы медлите, друзья?» – закричал Туллий Кимвр¹⁰⁴⁰. Пытаясь встать, Цезарь

¹⁰³³ Dio. XLIV. 18; Plut. Caes. 63; Suet. Caes. 81. 2, 4.

¹⁰³⁴ App. II. 116; Suet. Caes. 81. 4.

¹⁰³⁵ Nic. Dam. Aug. 87.

¹⁰³⁶ App. II. 117; Cic. Phil. II. 34; Fam. X. 28. 1. Гаю Требонию, в провинцию Азию. Рим, приблизительно 2 февраля 43 г.; Dio. XLIV. 19; Plut. Brut. 17.

¹⁰³⁷ Plut. Brut. 17; Caes. 66.

¹⁰³⁸ Plut. Brut. 17.

¹⁰³⁹ Dio. XLIV. 19; Flor. II. 13. 93; Plut. Caes. 66.

¹⁰⁴⁰ App. II. 117.

крикнул: «Это уже насилие!»¹⁰⁴¹ Стоявший за спинкой кресла, у статуи, Сервилий Каска выхватил нож и, целясь в затылок, с размаху первым нанес удар, попав, однако, в плечо Цезаря. Рана оказалась неглубокой и несмертельной. Безоружный Цезарь, повернувшись, схватил нападавшего за стиснувшую рукоять кинжала руку и потянул его с большой силой. Почти одновременно оба они закричали: Цезарь – «Негодяй Каска, что ты делаешь?!», а Каска по-гречески, обращаясь к брату, – «Брат, помоги!»¹⁰⁴². В это время Публий Каска уже разил отвернувшегося Цезаря в беззащитный бок. Все заговорщики, кроме одного, выхватили свои кинжалы. Остальные сенаторы лишь в страхе смотрели за происходящим. Гай Кассий ударил Цезаря поперек лица, Бруг – в бедро, Децим Брут – в пах, Буколиан – между лопатками¹⁰⁴³. В возникшей сутолоке Кассий, нанося второй удар, промахнулся и задел ножом руку Марка Брута, Минуций ранил Рубрия¹⁰⁴⁴. «Бей, хоть через меня!» – не останавливаясь, крикнул Кассий какому-то заколебавшемуся заговорщику¹⁰⁴⁵. Отбиваясь от нападающих, Цезарь метался и кричал, пытался сопротивляться и, озираясь, искал пути к спасению. Однако куда бы он ни обращал взор, он, подобно дикому зверю, окруженному ловцами, встречал удары мечей, направленные ему в лицо и в глаза. Когда его слабеющий от потери крови взгляд выхватил обнажающего оружие Марка Брута, он остановился [из нанесенных на глазах всего сената Цезарю 23 ран¹⁰⁴⁶, как позже установит врач Антистий, только одна (вторая) оказалась смертельной¹⁰⁴⁷ – очевидно, что последние мгновения жизни были не менее важны для него]... разжав сдавившие запястье Каски пальцы, «И ты, дитя мое!» – по-гречески произнес он, обращаясь к Бруту¹⁰⁴⁸, и, обеими руками, в одной из них он продолжал держать свиток Артемидора с доносом, накинув край тоги на голову, сохранив благопристойный вид, прекратил сопротивление, подставившись под сыпавшиеся удары¹⁰⁴⁹. Брут вонзил кинжал в пах. Уже содрогающееся тело Цезаря стало медленно опускаться и (кто-то из заговорщиков, толкнув, помог) упало у подножия статуи¹⁰⁵⁰. Словно жертвенный алтарь, цоколь статуи Помпея обагрился кровью

¹⁰⁴¹ Suet. Caes. 82. 1.

¹⁰⁴² Plut. Brut. 17; Caes. 66.

¹⁰⁴³ App. II. 117; Nic. Dam. Aug. 89.

¹⁰⁴⁴ Nic. Dam. Aug. 89.

¹⁰⁴⁵ Aur. Vict. 83. 5.

¹⁰⁴⁶ App. II. 117; Eut. VI. 25; Flor. II. 13. 93; Liv. Per. 116; Oros. VI. 17. 1; Plut. Caes. 66; Suet. Caes. 82. 2; Val. Max. IV. 5.6.

¹⁰⁴⁷ Suet. Caes. 82. 3.

¹⁰⁴⁸ Suet. Caes. 82. 2. По Диону Кассию – «И ты, сын мой?» (Dio. XLIV. 19). Более известна фраза, ставшая афоризмом, «И ты, Брут!», которой Цезарь, однако, не произносил – ее автором является Уильям Шекспир. В действительности же, на последнем издыхании назвав Брута «дитя», причем по-гречески, и намекая этим на то, что тот был его сыном, истекающий кровью Цезарь последним словом и замирием перед ним запечатлел свой последний, пожалуй, самый яркий прижизненный штрих в формируемый образ Марка Брута - идеального республиканца с задатками решительного лидера: будучи настолько беззаветно предан республиканским идеалам, Брут-де ради их защиты согласился возглавить заговор против тирана и не остановился даже перед отцеубийством.

¹⁰⁴⁹ Plut. Brut. 17; Nic. Dam. Aug. 66.

¹⁰⁵⁰ App. II. 117; Cic. Div. II. 23; Nic. Dam. Aug. 83, 90.

Цезаря¹⁰⁵¹. Те из заговорщиков, кто не успел, принялись в ярости (кто-то, при этом, преисполнившись смелости, с ненавистью и презрением заорал: «Хватит уже угождать тиранам!»¹⁰⁵²), наносить удары в лежащее на полу тело, желая показать, что и они принимали участие в убийстве Цезаря¹⁰⁵³, так как «было условлено, что все заговорщики примут участие в убийстве и как бы вкусят жертвенной крови»¹⁰⁵⁴. С невидящим пламенным взором Брут высоко поднял кинжал, с которого каплями стекала кровь Цезаря, и громко, что есть мочи, прокричал: «Цицеро-о-он!»¹⁰⁵⁵... В курии внезапно воцарилась тишина – сенаторы в оцепенении не сводили глаз с покрытого окровавленной тогой тела Цезаря, лежащего у статуи в луже крови... Брут выступил вперед, торжествуя посмотрев на Цицерона, поздравил его с восстановлением свободы¹⁰⁵⁶ и начал что-то говорить, обращаясь к сенату, но тут несколько сенаторов сорвались с мест и с криками побежали к выходу из курии. Началась паника. Брут призывал сенаторов к спокойствию, но у ворот, хотя никто никому не угрожал, возникла давка, в которой были ранены некоторые сенаторы. От курии стремглав стали разбегаться люди, с безумным ужасом в глазах крича: «Цезаря убили!!!», «Убили!», «Цезарь!», «Цезарь!», «В сенате!», «Его убили!», «Цезаря!», «Убит!», «Они убили его!» Гладиаторы, которые еще с утра были вооружены для показа зрелища, прибежали из театра к ограде сената. Запрудившие улицы люди не могли сразу понять-поверить в услышанное. Первым делом все замирали, пытаясь осознать происходящее. Затем всё пришло в движение. Бегство и всеобщая сумятица начались по всему городу. Театр, к которому примыкала курия Помпея, опустел моментально, так как зрителей охватил страх и ужас, и все пустились в бегство. Все улицы заполнились бегущими и кричащими людьми, словно все ждали нападения, но не знали, кто, собственно, нападает: кричали выбежавшие из курии сенаторы и заговорщики, кричали и бежали те, кто не знал причину внезапно поднявшегося шума и паники, одни утверждая, что на сенат напали гладиаторы, другие, что убит Цезарь, третьи, что армия грабит город, бежали и, уже растерянно, кричали и те, кто уже знал, что произошло.

¹⁰⁵¹ Plut. Caes. 66. Ради этого, полагаем, заседание сената, собственно, и было назначено Цезарем в курии Помпея (Cic. Div. II. 23; Nic. Dam. Aug. 82.), а за два месяца до этого, по его же приказу, в Риме восстановлены изображения и статуи Помпея (Plut. Caes. 57; Cic. 40; Suet. Caes. 75).

Из поминальной речи Цезаря о Помпее:

Когда бы мой зов услышали боги,
Обнял бы я тебя, победное бросив оружие,
Старой бы дружбы искал и молил бы всевышних, Великий,
Жизни продлить тебе дни; за труды я счел бы наградой –
Быть только равным тебе! (Lucan. IX. 1098-1103).

«И здесь воля божества показала, каковы дела человеческие, как все неустойчиво и подвержено прихотям судьбы: она привела его [Цезаря] в дом убитого врага, в котором ему предстояло трупом лежать перед его статуей и быть убитым перед изображением того, кто при своей жизни был им побежден. Ведь сильнее всегда бывает судьба, конечно, если ее признаешь» (Nic. Dam. Aug. 83).

¹⁰⁵² Nic. Dam. Aug. 96. «Ведь милосердие первого в государстве человека было побеждено ненавистью, сама возможность получать благодеяния была невыносимо тяжела для свободных людей» (Flor. II. 13. 92).

¹⁰⁵³ Nic. Dam. Aug. 90.

¹⁰⁵⁴ Plut. Caes. 66.

¹⁰⁵⁵ Cic. Phil. II. 28, 30.

¹⁰⁵⁶ Cic. Phil. II. 28, 30.

Торговцы, оставив без присмотра свои лавки, бежали, как и многие, в сенат, чтобы посмотреть, что случилось. Многие, наоборот, насмотревшись, бежали уже оттуда. В давках погибли многие из горожан и иностранцев, товары были расхищены, все закрывали двери и готовились защищаться с крыш¹⁰⁵⁷... всех в тот день охватил непреодолимый страх, потому что интуитивно каждый начинал осознавать, что оглушительные и убийственные раскаты сверкнувшего, для большинства внезапно – как молния среди ясного неба, убийства Цезаря неминуемы...

Вскоре в опустевшую курию Помпея пробрались трое рабов. Они молча положили на носилки и понесли домой бездыханное тело Цезаря, рука которого свисала через край носилок¹⁰⁵⁸: «только трое понесли домой того, кто еще так недавно был владыкой всего мира»¹⁰⁵⁹. Занавески носилок оставались приподнятыми, поэтому, когда они проходили через форум, люди, видя изувеченное ранами лицо Цезаря в запекшейся крови, не в силах сдержаться, но и в страхе следовать за ними, сдавленно вопили и рыдали. По всему пути их раздавался плач людей, стоявших по обеим сторонам улиц, в дверях домов и зданий, выглядывавших из окон и с крыш, звуки которого усиливались с приближением к дому Цезаря. Навстречу им с большой толпой женщин и рабов выбежала Кальпурния, которая, простирая руки и призывая мужа, отчаянно рыдала и теперь горестно сокрушалась, что не смогла в этот день остановить его, не удержала и позволила ему уйти¹⁰⁶⁰...

Спустя несколько месяцев после гибели Цезаря, Цицерон завершит начатую еще в 45 г. работу над трактатом «О дивинации», в котором, в частности, напишет: «если все от судьбы, то ничто не сможет нас убедить, чтобы мы были поосторожней. И как бы мы не остерегались, то, что должно состояться, состоится. А если это можно отклонить, то, значит, нет никакой судьбы. А следовательно, нет также и дивинации, ибо дивинация касается будущих событий, а ничто в будущем не является достоверно установленным, если, приняв какие-то меры, можно сделать так, чтобы этого не случилось.

А я так считаю, что для нас знание будущих событий даже и не является полезным. Что за жизнь была бы у Приама, если бы он с юных лет знал, что ему предстоит перенести в старости? Или взять пример не из выдуманного, а более близкий к нам. В моей книге «Об утешении» я собрал ряд случаев злосчастнейшей гибели славнейших граждан нашего государства. И что же? Разве для Марка Красса (опустим более ранние случаи) было бы лучше, если бы в пору его наивысшего могущества и богатства он узнал, что ему предстоит проиграть сражение за Евфратом, в котором будет убит его сын Публий и истреблено его войско, и самому

¹⁰⁵⁷ App. II. 118; Nic. Dam. Aug. 91, 92; Plut. Brut. 18; Caes. 67.

¹⁰⁵⁸ App. II. 118; Suet. Caes. 82. 3.

¹⁰⁵⁹ App. II. 118.

¹⁰⁶⁰ Nic. Dam. Aug. 97.

принять позорную и постыдную кончину? Или, ты считаешь, Гней Помпей, трижды избираемый консулом, трижды получая триумф, покрытый славой своих великих подвигов, мог бы всему этому радоваться, если б знал, что он, потеряв свое войско, будет однажды зарезан на пустынном берегу Египта? И что после его смерти последует то, о чем я без слез говорить не могу? Или Цезарь, если бы предвидел, что в том самом сенате, большую часть состава которого он сам же и назначил, в курии Помпея, пред самой статуей Помпея, на глазах у стольких преданных ему центурионов, он будет заколот знатнейшими гражданами, часть которых получила от него же всякие награды, и что к упавшему телу его не подойдет не только никто из его друзей, но даже из рабов; если бы Цезарь все это знал заранее, подумать только, какие душевные муки он испытал бы при жизни! Конечно же, не знать о будущих несчастьях лучше, чем знать. Ибо никто – особенно это относится к стойкам – никоим образом не может утверждать, что если б знал, то не взялся бы за оружие Помпей, не переправился через Евфрат Красс, не предпринял бы гражданскую войну Цезарь. Следовательно, их конец отнюдь не был фатальным. А ведь вы считаете, что все происходит по воле судьбы. Стало быть, ничем бы им не помогла дивинация, но даже отравила бы им всю предыдущую жизнь, отняла бы все ее радости. Что могло бы их радовать, если бы ими постоянно владела мысль об ужасной смерти?»¹⁰⁶¹

¹⁰⁶¹ Cic. Div. II. 21-24.